

МОСКОВСКИЙ КОМсомолец

г. Москва

22 ФЕВ 1987

Кульминационные пушкинские недели показали, что телевидение к ним в сущности не было готово. Самыми интересными оказались повторы, которые воспринимались свежо и подчас увлекательно, притягивая наше внимание, как-то откликаясь на то огромное зрительское ожидание, каким располагала бескрайняя телеаудитория.

Прежде всего это были «Маленькие трагедии» в постановке М. Швейцера. В свое время, в дни премьеры, они подверглись, по-видимому, излишне суровой критике со стороны специалистов за вовсе не буквальное прочтение пушкинского текста. Сегодня кажется, что все же это был «спор... между собою», а любовь к поэту сказалась сквозь всяческую вольность. Отблески личности гениального создателя время от времени падали на вдохновенность импровизатора (С. Юрский), на напряженное отталкивание от светской черни дворянина-литератора (Г. Тараторкин) и, конечно же, на страстное и беспощадное чувство впервые полюбившего Дон Гуана (В. Высоцкий), который почему-то знает, что любовь и гибель для него — одно.

Благодарное внимание привлекли и совсем уж, казалось бы, вольные мультфильмы по рисункам Александра Сергеевича, поставленные А. Хржановским, с великолепным чтением С. Юрского. Тут уж степень свободного отношения при абсолютной любви к предмету такова, что даже, кажется, и не вызвала ничьих нареканий. Авторы как бы позвали к себе поэта и дружески поделились с ним своим любимым делом — дескать, смотрите, как это увлекательно, — и в результате получили чудесного соавтора, веселого и мудрого.

Где-то в этом же ряду хочется рассматривать и «Десятую главу» «Онегина» в вариации А. Чернова. Поэт и исследователь вовсе не занимался здесь ни мистификацией, ни так называемым обратным плагиатом, т. е. приписыванием классика своим строчкам. Речь шла о реконструкции цельности замысла, от которого нам остались лишь отдельные фрагменты. Пустоты же безвестны вовсе не совсем: в частности, ясно, что они были исполнены строкой и стройной онегинской строфой. Историческое и политическое содержание поддавалось разгадке, поэтическая форма была задана — и поэт предложил нам свой вариант абриса вазы, от которой у нас в руках были, так сказать, отдельные части.

В передаче «...До 16 и старше» к державлению А. Чернова отнеслись сочувственно, в воскресном «Литературном альманахе» он подвергся разному С. Золотусского. На наш взгляд, риск предприятия был и вправду велик, возможно, не померен (Чернов, как видно из публикации в журнале «Знамя», это ясно сознавал), но вот кощунства тут не было.

Между тем, если угодно быть по-настоящему принципиальными, то нас не уберегли и от этого — причем буквально тут же, на одной из соседних страниц альманаха.

НЕСДАННЫЕ ЭКЗАМЕНЫ

А начиналось все так серьезно, так взыскательно! Д. С. Лихачев разгневанно и, увы, абсолютно убедительно подверг сомнению действенность нашей любви к поэту, о которой мы столько говорим. Рукописи его хранятся в невозможной обстановке, немисливо даже представить себе, чтобы так хранились рукописи в ереванском Матенадаране или чтобы так отнеслись к наследию Шевченко на Украине или Руставели в Грузии. Нет у нас и нового, серьезного, профессионального поколения исследователей Пушкина, студентов, аспирантов, молодых ученых.

Пушкинист В. Непомнящий обратил внимание на еще некоторые странности нашей любви. Темы «Пушкин и его время», «Биография Пушкина» обычно собирают полные залы народа. Если же речь пойдет о самом творчестве — публики будет мало. Нам кажется, что мы все-все уже поняли в школе? Что мы вообще знаем и понимаем того, у кого прозрачность и, можно сказать, дружелюбие формы обманчиво скрывают непостижимую бездонную глубину?

А биография — и прежде всего дуэльная история — вот что нуждается, на наш взгляд, не в бесконечном перебирании светских сплетен, а уж скорее, что ли, в отдыхе. Между тем нынешние дни памяти чашенько-сворачивали в этом излюбленном, надоевшем, а подчас и неблагоприят-

ном направлении. И в том же «Литературном альманахе» мы стали этому свидетелями.

Театр им. Пушкина обратился (наконец-то) к Пушкину. Нам показали отрывок из сценария «19 октября», поставленного на здешней сцене. До поры до времени все более или менее пристойно, никто не играет самого поэта (что трудно), актеры собрались и читают стихи и воспомина-

ния. Но вот подходит сам рассказ о дуэли. И в него с огромной многозначительностью, с перерывами и новыми включениями буквально вчитывают балладу о двух

воровах. Там тоже есть убитый (иначе зачем бы она тут), а зачем он убит и кем — знают лишь сокол, кобылка да жена покойного. И вот эта самая жена теперь, зная о гибели мужа, ждет к себе милого, видимо, убийцу.

Разумеется, А. С. Пушкин перевел шотландскую балладу при своей жизни, до дуэли, и нимало не подозревая о таковом ее применении. И нечего здесь намекать на его, дескать, пророческий дар — эти намеки звучат вопиюще бестактно и, к счастью нашему, не имеют ни малейшего отношения к и без того трагической истории, случившейся 150 лет назад.

Насколько более живые, светлые и честные отклики вызывают у нас те, кто обращается к самому творчеству поэта! Из премьер последних дней таким был фильм-концерт Я. Смоленского «Обиды не страшась, не требуя венца...» Поэт увиден здесь не памятником, не автоматическим победителем. И не жертвой выстрела на Черной речке, о чем мы уже слышаны с лихвой.

«В несносные часы карантинного заключения» он перебирает в памяти всю хулу на себя, которую услышал в жизни. В частности, ему поставили в упрек и то, что он «неблагообразен», некрасив. И он искренне признается, что был глубоко задет этой «личностью», как тогда говорили.

Этой оголтелой бестактностью, сказали бы мы теперь.

Но дело не только в этом, хотя любим мы его здесь очень свежо и непосредственно. Он в своих рассуждениях говорит о гласности в прениях и о цензуре, о «жестокостях нашем любопытстве», порождающем низкую масскультуру (речь идет о записках палача Симона), о формах и принципах литературной полемики — и мы с изумлением вслушиваемся в его слова, вдумываясь в свои заботы.

А вообще-то, хотели мы или нет, в эти дни он присутствовал где-то рядом, и все с ним связывалось. Вот без малого два часа в воскресенье рассказывали нам о боксе. Обычно ведь и не вслушиваешься особенно в стилистику этих повествований. Но тут вдруг отчего-то слова предстают значащими и весомыми. Что же мы слышим? «Смирнов действует более уверенней, боевитей, будем так, назовем». Это — буквально, только за знаки препинания я не отвечаю, наверное, нужных тут просто не существует. Здесь едва ли не больше ошибок, чем слов. Фраза проиграна не по очкам, а нокаутом. Может быть, если будем помнить, что нашим с вами языком мы обязаны и Пушкину, нам не придется так краснеть?

И в заключение — о полемике, чье искусство тоже ведь восходит к тому же общему у нас истоку. Новый КВН решил ею заняться. Чудесно. Организовали специальный пресс-центр. Только девизом его почему-то сделали «от такого слышу». Покритиковал их писатель — ему в ответ, что он и сам, мол, не гений. А вот прав ли он был? Не важно. Не смей нас критиковать — и все тут. Без всяких потуг на юмор. Не смешно.

Вот этот номер был первым, ключевым, задавал тон. Жюри добродетельно отмалчивалось. Когда, наконец, вступили в бой команды, первый же конкурс был оценен почти одними «тройками». Может быть, это тоже подкуп под КВН? Не дать ли по рукам и такому жюри?

Но контркритический пролог не оценили совсем. Пронзила догадка: «двоек» и «единиц» у жюри ведь просто не было — как тут оценишь?

Дальше было и повеселее. Капитан с юга вообще был по-настоящему неплох.

Но все время думалось: вот и полемика постепенно оживает. Учится ходить. Глядишь, и научится: Александр Сергеевич надеялся на это.

А. АРОНОВ.